

Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот”

В.М. Сергеев, А.А. Казанцев

*Сергеев Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем МГИМО(У) МИД РФ;
Казанцев Андрей Анатольевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО(У) МИД РФ.*

Концентрация экономических, информационных, научных, транспортных и других ресурсов в мировых центрах, названных в работе О. и Д. Андерссонов [Андерссон, Андерссон 2001] “воротами в глобальный мир”, – одна из важнейших характеристик глобализации. Ключевую роль при образовании “глобальных ворот” играют социальные сети, в первую очередь – сети доверия, которые под влиянием определенных обстоятельств начинают стягиваться к некой географической точке, где и возникают “ворота”. Конфигурация социальных сетей внутри “ворот” прочно удерживает под их влиянием “хору” и обеспечивает ее “утилизацию” мегаполисом.

Настоящая статья посвящена анализу взаимодействия политических и экономических факторов в процессе “воротообразования”. Поскольку образование “ворот” связано с сосредоточением в едином центре сетей доверия, необходимо выяснить, каким образом и при каких условиях притягиваются и отталкиваются социальные сети. Наряду с сетями доверия, нас будут интересовать сети власти, от конфигурации которых в определенных институциональных рамках в решающей степени зависит тип политического режима. В связи с этим главный вопрос, на который мы попытаемся дать ответ, будет звучать следующим образом: как соотносятся между собой различные типы политических режимов и территориальные конфигурации сетей доверия?

Исторически наиболее распространенными сетями доверия были торговые сети. Существование и, тем более, экспансия торговых сетей неизбежно требуют доверия (личного или институционального), ибо ни в каком контракте нельзя предусмотреть все аспекты сделки. На основе таких сетей возникает практика кредита. Движение векселей и других ценных бумаг (появляющихся уже в Вавилонии времен Хаммурапи, т.е. примерно во II тысячелетии до н.э.) постепенно превращает торговые сети доверия в кредитно-финансовые. Концентрация всех этих видов сетей в одном месте и создает “ворота”. Соответственно, основным предметом нашего анализа станет динамика торговых сетей доверия в зависимости от типа политической системы [1].

Территориальная динамика торговых сетей доверия и сетей власти при различных политических системах

Если мы хотим понять, как влияют на территориальную конфигурацию торговых сетей доверия политические системы, нам необходимо прежде всего

построить некую градацию последних. Учитывая характер поставленных в этой работе задач, при построении такой градации мы сочли целесообразным использовать две оси: степень развития в обществе переговорных практик и степень централизации власти.

Степень развития переговорных практик есть способ операционального измерения уровня демократичности политических систем [см. Сергеев 1999]. Точкой отсчета выступает простое, восходящее к этологической иерархии деление на выше- и нижестоящих, когда произвол первых по отношению к вторым не ограничен (как в куриной “иерархии клевания” [2]). По мере развития переговорных практик возможности для произвола властей сокращаются. Исходя из степени развития такого рода практик, можно выделить пять идеальных типов политических систем: деспотия, некоррупцированный институционализированный авторитаризм, коррупцированный институционализированный авторитаризм, коррупцированная полиархия, некоррупцированная полиархия.

В рамках деспотии произвол властей ничем не ограничен [Монтескье 1999]. Отсутствие правил, обязательных как для подвластных, так и для власти, исключает какие-либо устойчивые переговоры между “этажами” иерархии, ибо достигнутые в ходе таких переговоров соглашения в любой момент могут быть отменены.

Институционализация (трансформация деспотии в авторитаризм), т.е. появление неких общеобязательных правил, ограничивающих произвол, требует имплицитного согласования позиций власти и подвластных. Возникают определенные гарантии того, что результаты такого согласования не будут нарушены. Мощный стимул развитию переговорных практик дает коррупция авторитарного режима, когда соблюдение формально общеобязательных правил превращается в предмет торга и, соответственно, переговоров.

Важным шагом на пути развития переговорных практик становится полиархия. Сразу же оговоримся, что значение, в котором используется в данной работе введенное Р.Далем [Dahl 1971] понятие, не эквивалентно современному значению термина “демократия”. Под полиархией здесь понимается политическая система с множеством равноправных политических субъектов, находящихся между собой в состоянии институционализированных переговоров, причем к числу таких субъектов не обязательно должны относиться все граждане соответствующего государства. Исторически переговорные практики могли распространяться лишь на элитные группы. Полиархиями были не только древнегреческие полисы, в управлении которыми участвовали все полноправные граждане (Афины), но и средневековые олигархические республики (Венеция). Более того, элементы полиархии присутствовали в монархиях, где имелись институты сословного представительства, обладавшие правом голоса при решении финансовых вопросов и обеспечивавшие неприкосновенность собственности (Великобритания на ранних этапах развития парламентаризма).

Тем не менее в современном мире полиархии чаще всего существуют в виде демократических государств, где предметом переговоров (в форме выборов) является сам состав властной иерархии. Принятие большинства

решений определяется строгими процедурами в рамках разделения властей и деятельности различных коллегиальных органов. В результате многие из властных решений также оказываются предметом переговоров – и между различными уровнями и ветвями власти, и между властью и подвластными.

Реальное функционирование полиархии во многом зависит от степени ее коррумпированности. При высокой коррупции процедура принятия решений становится непрозрачной, переговоры о принимаемых решениях ведутся случайным образом и на их исход влияют внешние для системы переговоров факторы (прямые и непрямы взятки). Произвол власти по отношению к подвластным минимизируется лишь при наличии полностью прозрачной системы переговоров по поводу политических и административных решений, т.е. в условиях некоррумпированной полиархии.

Приведенная классификация имеет не только политологический, но и политэкономический смысл. Выделенные нами типы режимов различаются и по степени дифференциации отдельных сфер жизнедеятельности общества, прежде всего – политико-административной и экономической. Эволюция от деспотии через различные формы авторитаризма к демократии означает постепенное вычленение сферы политики и, соответственно, освобождение экономики от внешнего давления. В итоге экономическая жизнь приобретает собственную логику и рационализируется [Вебер 1991; Парсонс 1998], и экономические решения начинают приниматься под влиянием исключительно экономических факторов.

При деспотии, где отсутствуют какие-либо гарантии собственности или соблюдения контрактов и экономика всецело зависит от политической власти, царит атмосфера полной неопределенности. Поэтому транзакционные издержки, вызванные политическим вмешательством в экономику, здесь максимальны. Весьма существенны они и в условиях институционализированного авторитаризма. Хотя этот режим отчасти гарантирует собственность и соблюдение контрактов, снижая неопределенность, экономическая жизнь там по-прежнему зависит от авторитарно принимаемых политико-административных решений.

Коррупция авторитаризма превращает политико-административные решения, формально принимаемые авторитарным образом, в товар (административный рынок). Эта версия слияния политики и экономики также влечет за собой определенные транзакционные издержки: в цену товаров и услуг входят расходы на взятки чиновникам. Аналогичным образом обстоит дело и при коррумпированной полиархии, где разновидностью товара оказываются политико-административные решения, формально принимаемые на основе переговорных практик.

Относительная независимость экономики от политики возможна лишь при некоррумпированной полиархии, когда экономические и политические агенты становятся равноправными субъектами переговоров в рамках устойчивых институтов принятия и реализации решений. Только в этой ситуации доверие приобретает институционализированные формы, так как экономические субъекты знают, что политико-административные решения не будут приняты без учета их мнения. Причем процедуры учета этого мнения абсолютно прозрачны и всем известны.

Степень централизации власти (нас интересует прежде всего фискальная централизация) прямо не связана со степенью развития переговорных практик. В истории есть примеры как централизованных полиархий, так и децентрализованных деспотий. По критерию централизации власти политические сообщества можно подразделить на централизованные государства, федерации, конфедерации и совокупности де-факто независимых государств, связанных между собой общими институтами (международными режимами).

Различные сочетания градаций по выделенным нами осям позволяют говорить о наличии 20 идеальных типов политических режимов (см. табл. 1). Посмотрим, как соотносятся различные типы политических режимов с территориальными конфигурациями торговых сетей доверия и сетей власти.

Таблица 1

Территориальная динамика торговых сетей доверия и сетей власти при различных политических режимах

Степень централизации власти	Степень развития переговорных практик				
	Деспотия	Некоррупцированный институционализированный авторитаризм	Коррупцированный институционализированный авторитаризм	Коррупцированная полиархия	Некоррупцированная полиархия
Совокупность связанных общими институтами независимых государств	СД - СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД
	СД - СВ	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД // СВ
Конфедерация	СД - СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД
	СД - СВ	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД // СВ
Федерация	СД - СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД
	СД - СВ	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД + СВ (в нескольких центрах)	СД // СВ
Централизованное государство	СД - СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД	СД + СД
	СД - СВ	СД + СВ	СД + СВ	СД + СВ	СД // СВ

Условные обозначения:

СД – сети доверия;

СВ – сети власти;

“+” – территориальное притяжение сетей друг к другу;

“-” – территориальное отталкивание сетей друг от друга;

“//” – отсутствие определенной территориальной динамики сетей.

Обозначенные в таблице сетевые конфигурации носят вероятностный характер. Они указывают на то, какие территориальные сочетания торговых сетей и сетей власти наиболее вероятны при том или ином политическом режиме. Приведем аргументы в пользу представленных соотношений.

В централизованном государстве, где отсутствуют устойчивые политические институты (деспотия), отсутствуют и основания для возникновения доверия между торговыми сетями и сетями власти. Поэтому торговые сети стараются держаться как можно дальше от сетей власти. При этом они не притягиваются и друг к другу, так как в условиях, когда нет институциональных гарантий собственности, территориальное сближение делает их легкой мишенью для грабежа.

С появлением устойчивых институтов возникают и определенные гарантии собственности. Поскольку эти гарантии имеют личностную природу и связаны с взаимодействием с властью, столица (место концентрации сетей власти) начинает притягивать к себе торговые сети доверия, тем более что любые вопросы, касающиеся ведения бизнеса, приходится решать на самом верху. Усилению данной тенденции способствует тот факт, что при некоррупцированном институционализированном авторитаризме в столице обычно концентрируются и основные ресурсы. Одновременно торговые сети доверия начинают притягиваться друг к другу, так как это позволяет снизить транзакционные издержки.

Коррупция в централизованном авторитарном государстве постепенно меняет ситуацию. Вследствие развития коррупционных практик сети власти приобретают известную автономию от центра, что позволяет торговым сетям доверия вести свои дела, не обращаясь к представителям высшего уровня властной иерархии. Образуется административный рынок с определенными тарифами за решение тех или иных проблем. В связи с этим торговые сети в несколько меньшей степени притягиваются к центру, чем при некоррупцированном авторитаризме. Вместе с тем степень их притяжения друг к другу даже возрастает.

Полиархия резко повышает независимость торговых сетей от сетей власти. Правда, наличие коррупции может восстановить эту зависимость на новом уровне, породив ситуацию, во многом аналогичную той, что складывается при коррупцированном авторитаризме (автономизация сетей власти и образование неформального рынка, где политико-административные решения обмениваются на экономические ресурсы). Притяжение торговых сетей к столице, где существует наиболее развитый административный рынок, сохраняется, но не настолько мощное, как в условиях некоррупцированного авторитарного режима. В то же время усиление институциональных гарантий собственности усиливает притяжение торговых сетей доверия друг к другу.

Лишь при некоррупцированной полиархии торговые сети доверия обретают реальную автономию от сетей власти. Именно в рамках такого режима складываются предпосылки для образования “ворот”, т.е. для притяжения друг к другу торговых сетей доверия независимо от сетей власти. Однако централизованные некоррупцированные полиархии возникают не на пустом месте. Обычно они проходят долгий путь эволюции от авторитаризма. Отсюда – высокая вероятность того, что центр национальной экономики окажется в политической столице (Лондон, Париж). При этом возможно определенное противоречие между ролью глобального центра, ориентированного на мировую экономику, и ролью центра национальной экономики [3].

Тенденции, зафиксированные нами применительно к централизованным государствам, в принципе характерны также для федераций, конфедераций и совокупностей связанных общими институтами независимых государств. При деспотии из-за отсутствия гарантий собственности торговые сети доверия отталкиваются от сетей власти и друг от друга; при некоррупцированном авторитаризме они начинают притягиваться к сетям власти (прав-да, сосредоточенным не в одном, а в разных центрах) и друг к другу; при коррупцированном авторитаризме и коррупцированной полиархии их притяжение к центрам политической власти ослабевает, а степень взаимного притяжения увеличивается; при некоррупцированной полиархии торговые сети доверия обретают автономию по отношению к сетям власти. Вместе с тем следует отметить, что по мере снижения уровня централизации вероятность территориального размежевания между центром политической власти и центром концентрации торговых сетей, а тем самым – и шансы на образование “ворот в глобальный мир” повышаются. В конечном счете именно в предельной ситуации совокупности связанных общими институтами независимых государств могут развиваться “ворота”, обладающие наиболее мощной ”хорой”, которая охватывает множество национальных территорий.

“Ворота” и “квазиворота”

Приведенные выше рассуждения позволяют сделать ряд предварительных выводов относительно городов, где концентрируются торговые сети доверия с больших пространств (целой страны или группы стран), а также политических условий, при которых происходит эта концентрация. Вслед за Ф.Броделем и И.Валлерстайном мы можем выделить два типа таких городов: условно, “ворота” и “квазиворота”.

Города-“ворота” возникают при некоррупцированной полиархии, делающей торговые сети доверия автономными по отношению к сетям власти. Прозрачность политики обеспечивает высокое институциональное доверие, и торговые сети начинают стягиваться к одной точке с целью снижения транзакционных издержек. Поскольку экономика во многом независима от политики, это “центростремительное движение” может игнорировать национальные границы. Возникает мощный торговый и финансовый центр, где транзакции требуют относительно малых издержек. Это притягивает к нему торговлю из “хоры” и других международных центров. Важно отметить, что “ворота” не просто сосредоточивают в себе ресурсы и торговые сети “хоры”. Будучи тем местом, где взаимодействуют ресурсы многих “ворот” и

их “хор”, они являются центрами транзитной торговли и кредита для всего “мира-экономики”.

Рассмотренные процессы характерны для полиархических федераций и конфедераций, совокупностей полиархий, связанных общими институтами, и – несколько в меньшей степени – централизованных полиархий. Вместе с тем образовавшийся международный центр может притягивать к себе торговые сети из стран, менее благоприятных для развития торговли. Последние, таким образом, тоже становятся элементами “хоры”. Однако вследствие отсутствия автономной от сетей власти экономической жизни транзакционные издержки там объективно выше, чем в “хоре” в подлинном смысле слова. Кроме того, авторитарные государства могут сознательно проводить политику, препятствующую их превращению в “хору”. Впрочем, эффективность подобной политики всегда обратно пропорциональна степени коррумпированности режима.

Описываемый способ глобализации возник задолго до наступления современности. По мнению Ф.Броделя, он восходит еще к античному Средиземноморью и средневековой Западной Европе [Бродель 1992]. В силу сочетания целого ряда факторов (дуализм церкви и государства; феодальная система с множеством центров власти и плюрализмом статусов; автономия “свободных” городов и привилегии городов королевских; система судопроизводства, основанная на римском праве; зачатки парламентаризма в виде институтов сословного представительства, вотированных налогов, и т.д.) [North, Thomas 1973; Парсонс 1998; Эйзенштадт 1999] в Западной Европе собственность имела достаточно серьезные гарантии. Это способствовало развитию торговых сетей, обладавших значительной автономией от сетей власти и нередко превращавшихся в важнейшие сети влияния (прежде всего через систему займов). Правда, и в этой части мира рассмотренная ситуация не была универсальной. Там, где действовали сильные авторитарные режимы (например, в Сицилийском королевстве и Риме времен расцвета папства), торговые сети попадали в зависимость от администрации.

Постепенное распространение подобных практик в результате Великих географических открытий, колонизации и экспансии западноевропейской экономики и культуры привело к образованию мирохозяйственной системы, в центре которой стоял ряд мегаполисов. Этот процесс в конечном счете и положил начало современному этапу глобализации, связанному с появлением “глобальных ворот”.

Учитывая европоцентристский характер мирохозяйственной системы, едва ли приходится удивляться тому, что наибольшее число “глобальных ворот” сложилось в Западной Европе и переселенческих колониях (Северная Америка, Австралия). Многие из этих “ворот” органически возникли в процессе западноевропейской экспансии. Традиции некоторых из них уходят корнями в раннее средневековье, эпоху формирования пояса независимых торговых городов – от Северной Италии через Рейн до стран Бенилюкса. Другие центры “созрели” позднее, на излете средневековья (Лондон, Париж) или в Новое время (североамериканские “ворота”, Сидней). Как бы то ни было, становление всех этих центров происходило в рамках западноевропейской цивилизации и ее политических и экономических

институтов (свободный рынок, гражданское общество, либеральная демократия, рациональная бюрократия и т.д.).

При авторитарных режимах (а иногда и при коррумпированной полиархии), когда ресурсы страны стягиваются в одну точку вследствие взаимодействия сетей власти и торговых сетей, события развиваются по иному сценарию. В этом случае возникает совершенно особый тип “глобализации”: “квазиглобализация”. На территории, где отсутствуют развитые политико-переговорные практики, особенно если речь идет о целом “мире-империи” по Броделю-Валлерстайну, может образоваться крупный торгово-финансовый центр и эксплуатируемая им провинция-“хора”. Благодаря более высокому сетевому доверию, а также близости к месту сосредоточения сетей власти (что позволяет влиять на политические и административные решения), этот торгово-финансовый центр, извлекающий ресурсы из “хоры” как фискальными и административными методами, так и посредством торговли, тоже начинает притягивать к себе торговые сети.

Образовавшийся центр можно назвать “квазिवоротами”. Внешне, по объему транзакционной экономики, он во многом напоминает настоящие “ворота” и вполне способен стать центром международной торговли. Однако, в отличие от настоящих “ворот”, он оказывается ядром не “мира-экономики”, а “мира-империи” – мира, строящегося на административно-политическом господстве сетей власти.

Проявляется эта особенность в одном очень важном обстоятельстве. При некоррумпированном авторитаризме успешная экономическая деятельность зависит от личных контактов с властной иерархией. Аналогичным образом обстоит дело и при коррумпированных режимах, так как без контактов с представителями власти (прямых или через посредников, взимающих свой процент с коррупционной сделки) нельзя выйти на административный рынок. Иначе говоря, хотя транзакционные издержки в “квазिवоротах” ниже, чем в провинции-“хоре”, они выше, нежели были бы в настоящих “воротах”.

В результате “квазिवорота” притягивают к себе ресурсы только политически контролируемой ими страны. Они не становятся местом, где взаимодействуют ресурсы других “ворот” и их “хор”, и не превращаются в центры транзитной торговли (за исключением случаев транспортной монополии) и кредита для всего “мира-экономики”. Международная торговля в “квазिवоротах” сводится лишь к обмену ресурсами их собственной “хоры” на иностранные ресурсы.

Подобный способ “квазиглобализации” характерен для всех частей мира, где исторически институциональные гарантии собственности были ниже, чем в Западной Европе [North, Thomas 1973] [\[4\]](#). Слабость институциональных гарантий породила объективную потребность в развитии неких форм взаимодействия между торговыми сетями и сетями власти и влияния, способных обеспечить возможности для торговли. В одних случаях такое взаимодействие становилось следствием целенаправленной политики харизматического главы государства (держава Чингисхана) [Abu-Lughod 1989], в других – возникали специфические сетевые конфигурации.

В исламском мире торговые сети доверия были тесно переплетены с сетями влияния религиозных лидеров, часто выступавших в роли толкователей права. В силу нераздельности в традиционном исламе религиозного и мирского порядков исламская система судопроизводства обладала определенной автономией по отношению к административным властям, что превращало ее в важнейший инструмент поддержания прав собственности. Соединение религиозных сетей влияния и торговых сетей доверия привело к появлению своеобразного исламского “гражданского общества”, во многом противостоявшего администрации [Петрушевский 1967; Мец 1973]. Тем не менее для эффективной торговли были необходимы и личные контакты с представителями административно-политической элиты. Их обеспечивали соответствующие сетевые связи, чаще всего коррупционные (система “подарков”). Кроме того, торговцам приходилось выполнять различные неформальные поручения властей, включая доносы и шпионаж.

В традиционном Китае с его системой формирования госаппарата на основе экзаменов существовала тесная взаимосвязь между конфуцианскими сетями влияния и сетями власти. В этой ситуации собственность и контракты могли гарантировать либо семейные, либо коррупционные связи с чиновниками [Васильев 1970; Levenson 1964; Tu Wei-ming 1996]. Что же касается России, где начиная с XVI в. сети власти, формировавшиеся из различных слоев служилого сословия и практически не включавшие в себя купечество, контролировали чуть ли не все стороны жизни общества, то условия для торговли здесь создавала прежде всего коррупция, провоцировавшаяся системой “кормлений” в регионах [Ключевский 1918; Милюков 1992/1993].

Сказанное отнюдь не означает, что в обществах, чьи политические системы исторически отличались от западноевропейских, не могут образоваться настоящие “глобальные ворота”. По мере демократизации политической системы страны и снижения транзакционных издержек “квазиворота” вполне способны эволюционировать в “ворота” [5]. Более того, наиболее “молодые” из имеющихся на сегодняшний день “ворот” – Токио, Гонконг и Шанхай – выросли именно из “квазиворот”. Складываются “глобальные ворота” и в Южной Азии (Бомбей). В то же время в исламском мире никаких “ворот” не формируется. Это в очередной раз подтверждает справедливость заключения о том, что возможность возникновения “ворот” связана с сетевыми конфигурациями соответствующих обществ, а эти конфигурации, в свою очередь, задаются долгосрочными тенденциями исторического развития [Казанцев 2006].

“Ворота” разных уровней

И чисто экономическая глобализация (формирование “миров-экономик”), и политико-экономическая “квазиглобализация” (формирование “миров-империй”) могут протекать на разных уровнях [6]. При исследовании этой проблемы важнейшими представляются следующие переменные:

– характер политической системы, определяющий способ концентрации сетей в том или ином центре;

– размер контролируемой городским центром территории и иерархическая соподчиненность таких территорий;

– степень участия данной территории в мировом разделении труда (если это участие незначительно, региональный центр оказывается “воротами”/“квазिवоротами” только в контролируемую им территорию; если велико, он представляет собой “ворота”/“квазिवорота” глобального уровня [7]).

Мельчайшим значимым уровнем концентрации торговых сетей доверия выступает “микрорегион” (древнеегипетский “ном”, античный полис с его “хорой”, небольшой европейский городской центр с округой и т.д.). Ключевой характеристикой подобного микрорегиона является способ объединения округи вокруг центра: основано ли оно на чисто рыночных механизмах (город – центр производства, торговли и кредита), либо определяется действием внеэкономических факторов (религиозно-идеологических, военно-политических, полицейских, фискально-административных или какой-то их комбинацией). В первом случае господство города над округой обеспечивает концентрация в нем экономических сетей доверия, во втором – концентрация сетей власти. Разумеется, речь идет о преобладающем типе господства, так как обычно город соединяет в себе (в разных пропорциях) элементы того и другого [Вебер 1994]. Даже при самой конкурентной полиархии в городе сосредотачиваются сети власти, даже при самом сильном деспотизме там есть торговые сети доверия (хотя бы подпольные).

Способ господства города над округой четко зависит от типа политической системы (в данном случае – региональной). Преобладание чисто экономического (определяемого рынком и разделением труда) господства возможно лишь при некоррупцированной полиархии, ибо в ее рамках все остальные способы господства нейтрализуются (как бы “снимаются” в гегелевском смысле) переговорными практиками. В результате город превращается в миниатюрный аналог “глобальных ворот”. Трансакционные издержки в нем достаточно низки благодаря относительной изоляции политики от экономики и наличию гарантий собственности. Такой регион легко может вписаться в дальнейший процесс экономической глобализации, став частью “хоры” “ворот” более высокого уровня.

Если же в микрорегионе действует деспотический или какой-то из вариантов авторитарного режима либо коррупцированная полиархия, экономическое господство городского центра над округой может стать второстепенным по сравнению с политическим. Город по-прежнему будет притягивать к себе торговые сети доверия из округи, однако это притяжение будет связано не только с разделением труда внутри микрорегиона, но и с необходимостью личных (часто – коррупционных) контактов с представителями власти. Поскольку зависимость экономики от политики повышает трансакционные издержки, данной территории будет довольно сложно встроиться в систему разделения труда более высокого уровня. В то же время она без труда впишется в процесс “квазиглобализации”, превратившись в часть провинции-“хоры” “глобальных квазिवорот”.

Наконец, бывают ситуации, когда городской центр вообще не господствует над своей округой. Это происходит в случае утверждения в

микрорегионе некой разновидности квазифедеративного или квазиконфедеративного режима (т.е. при наличии альтернативных центров власти) и, как правило, преобладании в нем политических форм господства. В условиях доминирования рыночных форм господства подобный поворот событий маловероятен, так как экономическое единство микрорегиона (а если бы он не был един, то не был бы микрорегионом) привело бы к выделению единого центра. Правда, здесь тоже возможны варианты, связанные с функциональным разделением труда между несколькими господствующими центрами (скажем, торговым, производственным, административным и научно-образовательным).

Микрорегион как минимальная пространственная единица обычно выступает составной частью пространства более высокого уровня. К такого рода пространствам относятся, в частности, небольшие исторические регионы (Прованс, Владимирская Русь), а также малые (Голландия, Дания) или средние по размерам, но внутренне однородные страны (исторический Египет, протянувшийся вдоль Нила; Вавилония). Возникающий в центре этого пространства город вполне может стать “глобальными воротами”.

Мера “глобальности” этих “ворот” будет зависеть от степени участия контролируемой ими территории в мировом разделении труда и мировой торговле. Так, исторически менявшийся центр Древнего Египта был “воротами” преимущественно в сам Египет. Вместе с тем в развитых странах современного мира крупный городской центр, не сумевший превратиться в подлинно глобальные “ворота”, может стать “воротами” второго порядка, как это произошло, например, со Стокгольмом и Барселоной [\[8\]](#).

Еще более высоким уровнем членения пространства являются древние империи (Нововавилонское царство, Ассирия, Персия), крупные современные государства (Англия, Франция) и обширные исторические регионы (пояс торговых городов от Северной Италии до Голландии, Атлантическое и Тихоокеанское побережье США). В центре таких территорий, как правило, и формируются наиболее мощные “ворота” и “квазिवорота”. Разумеется, их “глобальность” тоже во многом определяется степенью участия в мировом разделении труда контролируемой ими территории.

Центры одного уровня и типа могут заметно различаться по своему экономическому развитию. Немалое значение здесь имеют культурно-географические особенности, обеспечивающие снижение транзакционных издержек в той или иной точке (например, благодаря интенсивным личным контактам на перекрестке торговых путей). Существует большое количество вариаций, обусловленных сравнительным богатством регионов, их международными связями и технологическими возможностями переноса ресурсов.

Сравнительное богатство регионов может привести к появлению региональных экономических центров, не уступающих по экономическому могуществу столице (Антиохия и – особенно – Александрия в Восточной Римской империи). Сходный эффект зачастую дает и международная торговля, способствующая выделению особых регионов и их центров, которые становятся крупнейшими посредниками во взаимодействии с внешним миром (Одесса в дореволюционной России, Шанхай в современном

Китае). Наконец, даже в самом централизованном и авторитарном государстве территориальное распределение ресурсов зависит от особенностей транспортной системы, причем не меньше, чем от конфигурации сетей власти. Очевидно, что по мере совершенствования транспортных средств (появление железных дорог, авиасообщения) влияние природных факторов (таких, как наличие выхода к морю или расположение в центре речной сети) падает.

Экономическая мощь региона фактически определяет объем ресурсов, подконтрольных региональным сетям власти. Это обстоятельство особенно важно при преобладании неэкономических способов господства. Однако здесь прослеживается и обратная связь. В ситуации, когда решающую роль играет неэкономическое господство, процветание региона и экономическое могущество его центра невозможны без сильной региональной власти или влиятельных в масштабах всего государства региональных властных сетей. Более того, вследствие неизбежного взаимодействия политической и экономической сфер жизни даже в некоррупцированных полиариях развитие крупных “ворот” требует наличия эффективной региональной власти (либо ее сочетания с властью более высокого уровня).

Взаимосвязь между экономическим развитием регионального центра и весом в государстве региональных сетей власти отчетливо просматривается на примере дореволюционной России. Помимо столицы, Санкт-Петербурга, крупными региональными центрами (на уровне “глобальных квазिवорот” – или даже “ворот” – второго порядка) Российской империи были Москва, Одесса и район Варшавы-Лодзи. Сети власти во всех этих регионах имели очень сильные позиции. Москва сохраняла роль “первопрестольной”, второй столицы России. Московские генерал-губернаторы были одними из самых влиятельных людей в государстве. Огромным влиянием пользовались также генерал-губернаторы Новороссии (А.Ланжерон, М.Воронцов и др.), и сила региональной власти эффективно защищала Одессу даже после утраты ею статуса порто-франко. Что касается Варшавы-Лодзи, то, несмотря на значительное сужение при Николае I автономии Царства Польского, наместники в Варшаве всегда обладали очень существенными полномочиями.

Еще более показателен в этом плане опыт современного Санкт-Петербурга. В советские годы “культурная столица” СССР опустилась почти до уровня рядового областного центра, и в первое постсоветское десятилетие ее положение продолжало ухудшаться. Подъем города на Неве, который вновь стал претендовать на роль “глобальных квазिवорот” второго порядка, начался лишь после 2000 г., когда выходцы из Петербурга выдвинулись на ведущие позиции внутри сетей власти в стране.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать несколько выводов.

1. Образование “глобальных ворот” является следствием процесса притяжения/отталкивания различных социальных сетей, прежде всего сетей власти и торговых сетей доверия, определяющих специфику взаимодействия политической и экономической сфер жизни общества. Эта сетевая динамика

носит долгосрочный характер и связана с устойчивыми институциональными и культурно-цивилизационными особенностями соответствующих регионов.

2. Особенности притяжения/отталкивания сетей власти и торговых сетей доверия могут служить основанием для членения “глобальных ворот” на “ворота” и “квазиворота”.

3. Сетевая динамика, связанная с притяжением/отталкиванием сетей власти и торговых сетей доверия, проливает свет на многие процессы, происходящие на региональном уровне, в т.ч. определяя возможность превращения региональных центров в “глобальные ворота”/“квазиворота” второго порядка.

Представляется, что данные теоретические положения могут быть полезными при сравнительном анализе процессов глобализации на разных территориальных уровнях и в различных регионах мира.

Андерссон О., Андерссон Д. (ред.) 2001. Ворота в глобальную экономику. М.

Бродель Ф. 1992. Время мира. М.

Васильев Л.С. 1970. Культы, религии, традиции в Китае. М.

Вебер М. 1991. Хозяйственная этика мировых религий. – Вебер М. Работы по социологии, религии и культуре. Вып. 1. М.

Вебер М. 1994. Город. – Вебер М. Избранное. Образ общества. М.

Казанцев А.А. 2006. Три сценария “цветной” революции в России (Моделирование сетевой динамики российской политики). – Полис, № 1.

Ключевский В.О. 1918. Курс русской истории. М.

Мец А. 1973. Мусульманский Ренессанс. М.

Милюков П.Н. 1992/1993. Очерки по истории русской культуры. М.

Монтескье Ш.Л. 1999. О духе законов. М.

Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М.

Петрушевский И.П. 1967. Ислам в Иране в VII – XV вв. М.

Сергеев В.М. 1999. Демократия как переговорный процесс. М.

Эйзенштадт Ш. 1999. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.

Abu-Lughod J.L. 1989. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250 – 1350. N.Y.

Dahl R. 1971. Polyarchy; participation and opposition. New Haven.

Lane F.C. 1973. Venice. A maritime Republic. Baltimore, L.

Levenson J.R. 1964. Modern China and its Confucian Past: the problem of intellectual continuity. N.Y.

North D.C., Thomas R.P. 1973. The Rise of the Western World. A new Economic History. Cambridge.

Pirenne H. 1952. Medieval Cities. Their Origin and the Revival of Trade. Princeton.

Tu Wei-ming (ed.) 1996. Confucian Traditions in East Asian Modernity. Cambridge (MA), L.

Wallerstein I. 1974. The Modern World System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.

Wallerstein I. 1980. The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600 – 1750. N.Y.

[1] Исследованием путей формирования торговых городов традиционно занимаются преимущественно историки [см., напр. Pirenne 1952; Lane 1973]. Чуть ли не единственной теоретической моделью, рассматривающей образование торговых центров под политико-экономическим углом зрения, является экономико-структуралистская модель Ф.Броделя [Бродель 1992]. При разработке этой модели Бродель опирался на введенное И.Валлерстайном [Wallerstein 1974, 1980] различие между “миром-экономикой”, в основе которого лежит определенная конфигурация торговых сетей и культурно-информационных связей, и “миром-империей”, который поддерживается военно-политическими способами.

[2] Альфа-особь клюет всех, бета-особь – всех, кроме альфа-особи... и так до омега-особи, которую клюют все, а она не клюет никого.

[3] Данное противоречие не до конца удалось разрешить, в частности, Парижу, который лишь с известными оговорками может быть отнесен к “глобальным воротам”. (О. и Д.Андерссоны вообще не включают его в число таковых [см. Андерссон, Андерссон 2001].) По всей видимости, здесь сказалось то обстоятельство, что Париж, в отличие от Лондона, исторически был скорее административно-политическим, чем торгово-экономическим центром. Став столицей крупнейшего в Европе централизованного государства (а потом – и второй по значимости колониальной империи), Париж остался центром притяжения главным образом французской экономики и финансов, так и не превратившись в центр транзитной торговли.

[4] Отметим, что “квазиглобализация” как притяжение друг к другу торговых сетей доверия и сетей власти, контролирующих большие пространства, является более древним феноменом, чем глобализация. Она возникает в государствах Египта и Междуречья уже в III тыс. до н.э.

[5] Это относится не только к странам, чьи социальные институты и культура не имеют западноевропейских корней, но и к самой Западной Европе. Так, в Париже уже несколько столетий идет процесс эволюции “квазिवорот” в “ворота”, правда, с переменным успехом (в XIX в. этот город в большей степени соответствовал критериям “глобальных ворот”, нежели сегодня).

[6] Вопрос об “уровнях глобализации” и, соответственно, о “воротах” различных уровней был впервые поставлен еще Броделем, описавшим иерархию пространств, а также городов, являющихся их “центрами” [Бродель 1992].

[7] На практике крупные городские центры обычно располагаются между этими двумя полюсами.

[8] Превратиться в настоящие “глобальные ворота” Стокгольму помешали относительно скромные масштабы контролируемой им шведской экономики, а Барселоне, которая является центром Каталонии – исторической провинции, некогда входившей в средиземноморский мир и отличавшейся развитой торговлей, – недостаточный уровень внутреннего единства и экономического развития Испании. В России на роль “глобальных ворот” второго порядка может со временем выдвинуться Санкт-Петербург, пока представляющий собой разновидность “квазिवорот” второго уровня.